

Исхаков Радик Равильевич

КУЛЬТ МУСУЛЬМАНСКИХ СВЯТЫХ В РЕЛИГИОЗНО-ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ ТАТАР-КРЯШЕН ВОЛГО-УРАЛЬЯ (XIX - НАЧАЛО XX В.)

Статья посвящена изучению дохристианских религиозно-мифологических представлений и обрядности татар-кряшен (крещеных татар), связанных с культом мусульманских (суфийских) святых. На историко-этнографическом материале показаны особенности кряшенских синкретических верований, почитания предков и святых сакральных мест, подчеркивается важное значение этого религиозно-обрядового комплекса традиционной культуры кряшен в сохранении исторической памяти и идентичности представителей данной этноконфессиональной общности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. III. С. 78-81. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

PERCEPTION AND INTERPRETATION OF SYNTHETIC ROCK TEXT:
WEAK PERSONOLOGICAL POSITION

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

The article is devoted to one of the types of a subject's interpretation activity directed at mastering the cognitive and pragmatic programme of a rock poet. In the weak personological position of a subject-interpreter devotion to the ideals of a cult figure, the coincidence of the system of one's own attitudes with his/her ideas and images (up to the point of the complete "cento character" of one's own texts), the mythologization of the life and (especially) death of a rock hero, copying the articulation, diverse variants of musical stylizations and image identifications come to the forefront.

Key words and phrases: rock culture; synthetic linguistic personality; cognitive and pragmatic programme; subject-source; subject-interpreter; personological position; cento character; mythologization.

УДК 319:398

Исторические науки и археология

Статья посвящена изучению дохристианских религиозно-мифологических представлений и обрядности татар-кряшен (крещеных татар), связанных с культом мусульманских (суфийских) святых. На историко-этнографическом материале показаны особенности кряшенских синкретических верований, почитания предков и святых сакральных мест, подчеркивается важное значение этого религиозно-обрядового комплекса традиционной культуры кряшен в сохранении исторической памяти и идентичности представителей данной этноконфессиональной общности.

Ключевые слова и фразы: культ мусульманских святых; межконфессиональные отношения в Волго-Уралье; дохристианские верования татар-кряшен; история татар; суфизм в России; народный ислам.

Исхаков Радик Равильевич, к.и.н.

*Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
ishakov83@rambler.ru*

**КУЛЬТ МУСУЛЬМАНСКИХ СВЯТЫХ В РЕЛИГИОЗНО-ОБРЯДОВОЙ ТРАДИЦИИ
ТАТАР-КРЯШЕН ВОЛГО-УРАЛЬЯ (XIX – НАЧАЛО XX В.)[©]**

Длительное соприкосновение с исламским вероучением нерусских народов Волго-Уральского региона оказало заметное влияние на их традиционную культуру [1, с. 4-125; 9, с. 20]. Татары-кряшены (крещеные татары) в этом отношении не являются исключением. Наиболее заметные архаичные следы исламского влияния у кряшен отмечаются в представлениях и обрядах, связанных с почитанием предков. Формирование культа мусульманских святых у представителей данной этноконфессиональной группы можно объяснить двумя основными факторами: 1) сохранением у них преданий о родственной или иной исторической связи (реальной или мнимой) с лицами, причислявшимися местной татарской народной традицией к лику святых, праведников или героев (шахидов); 2) наделением местных мусульманских святых и мест поклонения им сверхъестественной силой.

Появление культа мусульманских святых на территории Среднего Поволжья было связано с проникновением сюда суфийской идеологии. По мнению известного археолога Р. А. Халикова, активное распространение этого учения в крае начинает отмечаться в XIII-XIV вв. [15, с. 114]. Росту популярности суфизма способствовали занимавшие важное место в его идеологии мистические учения (использование различных магических практик). Наличие в суфизме традиции почитания предков, святых людей (*авалия*), мест поклонения (использование надгробных камней со знаками *«белюг»*, дюрбе-мавзолеев) позволяло в виде культа мусульманских святых сохранять древние верования, связанные с культом рода и предков и имевшие исключительно важное значение в традиционной религиозной системе предков татар. В связи с этим культ мусульманских святых на Средней Волге приобрел такой же синкретический характер, как и среди тюркских народов Передней и Средней Азии.

Обряды, связанные с почитанием мусульманских святых, являлись одним из наиболее скрытых элементов традиционной культуры кряшен. Это было связано с жесткой позицией православной церкви и местного приходского клира по отношению к сохранившимся (или приобретенным) традициям, считавшимся наследием мусульманского вероучения. Длительное время вынужденные фактически «закрывать глаза» на проявления народных верований кряшен, православные священнослужители старались жестко пресекать у них любые обряды и праздники, связанные с исламом. В связи с этим первые описания данных культов относятся лишь к концу 1840-х гг. В 1848 г. бакалавр Казанской духовной академии Н. И. Ильминский по поручению

казанского архиепископа Георгия (Постникова) совершил длительное путешествие по селениям Лаишевского и Мамадышского уездов Казанской губернии с целью обследования и объективного анализа религиозно-нравственного состояния местных кряшен. В ходе этой научной командировки им было обнаружено наличие в ряде селений крещеных татар старинных мусульманских кладбищ, относящихся к периоду Казанского ханства [6]. Местные жители, считая, что на этих кладбищах похоронены их прадеды, ухаживали за этими старинными могилами, устраивали здесь моления, посвященные предкам. В путевых записках Н. И. Ильминского сохранилось интересное свидетельство об обрядах, совершаемых жителями дер. Тямти Лаишевского уезда на могиле местного мусульманского святого: «Приближаясь к камню, он (*имеется в виду сопровождавший Н. И. Ильминского местный старожил из рода крещеных татарских мурз – Р. И.*) сказал, что они чтут его (*своего предка – Р. И.*), что (тут он спросил меня, не скажу ли я об этом попом) они, пригласив муллу, совершают у этого камня богомолье, в прошлом году принесли в жертву телицу» [11, с. 84]. Как можно видеть, в описанных обрядах смешивались древние верования почитания предков и мусульманская традиция. Не будучи мусульманами, не имея никакого твердого представления о нормах исламского вероучения, местные жители все же считали необходимым использовать при поминовении своего легендарного предка исламские ритуалы, прибегать к помощи имама (муллы), так как он был мусульманином, поэтому, по их мнению, молитвы и обряды, посвященные ему, также должны были быть мусульманскими. У местных жителей сохранялось множество рассказов о героическом прошлом своих предков [Там же].

В 1864 г. другой известный деятель православного просвещения кряшен В. Т. Тимофеев отметил почитание мусульманских святых жителями дер. Владимирово Мамадышского уезда Казанской губернии. Недалеко от этого селения находился небольшой курган, где, по преданиям, был похоронен ишан («мусульманский угодник»). На его могиле кряшены ежегодно устраивали моления с кровавыми жертвоприношениями – резали быка белого окраса, из мяса которого, а также из полбенной крупы варили жертвенную кашу. Сюда же на богомолье ежегодно приходили местные татары-мусульмане, читавшие здесь мусульманские молитвы и совершавшие жертвоприношения. С этим местом как у кряшен, так и у татар-мусульман был связан ряд преданий. Протекающий рядом с могилкой ручей считался священным, вода в нем наделялась чудесными свойствами, являлась якобы «водой вечности». Местные жители рассказывали: «Когда Бог сотворил мир, Он сотворил и воду вечности; если бы мы ее пили, не умерли бы вовеки. Но до нас дьявол пил эту [воду], и мы уже пить ее не можем, а потому и умираем» [13, с. 143]. В основе этой легенды лежит рассказ, почерпнутый татарами из мусульманского вероучения и вобравший в себя некоторые древние сюжеты из тюркской мифологии. По всей видимости, само это место, ставшее местом поклонения мусульманскому святому, в прошлом являлось центром традиционных культов предков местного населения, приобретшим в процессе проникновения исламской идеологии мусульманский статус.

Схожий характер имел культ мусульманского святого «Кужа Насреддина» (Ходжа Насреддина) у кряшен Чистопольского уезда. Этот культ был тесно связан с преданиями местных жителей об истории происхождения их селений и их предков. По одной из легенд, пользовавшейся среди них особой популярностью, в районе деревень Верхнее и Нижнее Никиткино раньше находилась резиденция некой царицы – *кыз-патша каласы*. Здесь же на кургане была ее могила. По легенде местные кряшены происходили из ее свиты и войска, которое во время покорения Казанского ханства попало в окружение армии Ивана IV и было вынуждено принять «русскую веру» [12, с. 6-7]. Главным предводителем войска царицы был некий Насреддин, ученик какого-то известного хальфы. Прожив долгую и полную чудес жизнь, он был похоронен на холме в районе с. Билярск (Биляр), после чего это место стало называться *Хужалар тауы* (Гора Ходжей). Хотя здесь прослеживается явное наложение различных баснословных рассказов, не имеющих под собой реальной исторической основы, смешение фактов и целых исторических эпох, для местных жителей эта легенда являлась важной основой исторической памяти. В связи с этим кряшены, наряду с татарами-мусульманами, ежегодно совершали путешествие для поклонения этой святыне. Если последние сами совершали жертвоприношение, резали и готовили блюда из мяса жертвенного животного, то кряшены передавали своих жертвенных животных муллам для совершения обряда по нормам исламского вероучения. Это жертвоприношение у них называлось *кужа клауе*, *кужа кирэмэте* [Там же, с. 8].

Поклонение мусульманским местам занимало важное место в религиозной жизни жителей дер. Ташкирмень (каменная крепость) Лаишевского уезда Казанской губернии. Недалеко от этого селения находилось крупное городище времен Казанского ханства *Кала тау* (Город-гора, Город на горе), также именовавшееся *Хан-кирмэн* (Крепость хана). О происхождении этого кургана среди местных жителей бытовало несколько преданий. По одному из них, в давние времена здесь была крепость-резиденция татарского хана, представлявшая собой опорный пункт, контролировавший перевозки через р. Мешу и проезд по Ногайской даруге. По другой версии, эта крепость была возведена татарскими повстанцами, укрывшимися здесь после захвата Казани [5, с. 37]. Ежегодно здесь устраивались моления, совершалось жертвоприношение (*угез клауе*). Ранней весной на кургане собиралась местная молодежь, которая водила хороводы, пела песни [Там же, с. 36]. Сюда же для поминовения предков ежегодно из соседних деревень и Казани стекалось много татарских паломников. Вплоть до середины XIX века в данном месте имела старинная могила с надгробным памятником с арабскими надписями, служившая местом культа. Для представителей обеих конфессиональных групп это место было общей святыней, которую они старались оберегать. В 1870 г., когда сюда прибыла научная экспедиция во главе с известным казанским археологом А. Н. Стояновым с целью проведения раскопок древнего городища, местные жители совместно с прибывшими из Казани татарскими паломниками оказали им яростное сопротивление, посчитав действия ученых святотатством [4, с. 12-13].

В дер. Шеморбаш (Шемортбаш) Мамадышского уезда и в соседних кряшенских селениях вплоть до начала XX века сохранялся культ хальфы Идриса, похороненного недалеко от соседней дер. Челны. Этот культ у местных жителей был довольно слабо связан с культом предков. Кряшены не считали этого святого своим непосредственным прародителем, но верили, что молитвы и просьбы, адресуемые ему, имеют большую силу, могут излечить от болезни, принести благополучие. Как отмечали современники, на могилу этого ишана стекалось множество кряшен, приносящих в подарок его родственникам различные подношения. Как писал в середине 1870-х гг. студент, а впоследствии профессор миссионерского отделения Казанской духовной академии М. А. Машанов, «верст за сто и даже далее крещеные и мухаммедане, проезжая мимо этой деревни, не пропускают случая, чтобы завернуть к этому, по их мнению, святому семейству (*потомкам хальфы – Р. И.*), привезти что-нибудь в подарок: кто везет овцу, кто – курицу, кто – гуся» [8, с. 56].

Свое значение этот культ сохранил у местных жителей и в период усиления влияния православия во второй половине XIX – начале XX века. Когда в семье происходило какое-нибудь несчастье, домочадцы давали завет совершить паломничество и принести жертву святому в случае благополучного исхода. Временем для паломничества обычно избирался период мусульманского поста. По примеру татар-мусульман кряшены закалывали жертвенных животных, преподносили дары местному имаму [16, с. 113-114].

Вплоть до середины XX века жители с. Мелекес Мензелинского уезда Уфимской губернии почитали могилу основателя этой деревни Искандер карта (старика Искандера), находившуюся на местном заброшенном татарском кладбище. Это место, расположенное на краю селения, имело для кряшен сакральное значение, хотя сами они не считали похороненных там татар своими предками (местные жители были переселенцами из дер. Средний Мелекес). Эту территорию не разрешалось возделывать, выкапывать на ней землю. Данный запрет подкреплялся бытовавшей здесь легендой, записанной в 1946 г. известным казанским этнографом Н. И. Воробьевым: «Однажды на месте одного из этих кладбищ стали копать землянку, после чего поднялся вихрь, почему скорее оставили эту затею, закопав обратно яму» [3, д. 34, л. 60 об.].

Схожие суеверия бытовали среди жителей с. Ляки этого же уезда. На территории селения находилось старинное татарское кладбище, которое также не разрешалось распахивать. При болезни домашнего скота крестьяне водили его сюда для излечения [2, д. 34, л. 62].

Более определенная и тесная связь почитания мусульманских культовых мест с культом предков прослеживается у крещеных татар Тетюшского и Цивильского уездов Казанской губернии (молькеевских кряшен). В связи с довольно поздним обращением в христианство (XVIII век) у местных жителей сохранялась более устойчивая память об исламском происхождении их предков. По наблюдениям Г. Филиппова, в начале XX века у жителей еще были живы предания, «что факт крещения их “отцов” относится к временам относительно близким. Они помнят места мечетей, указывают лиц, оставшихся некрещеными. В Старом Кырбаше рассказывают о Кальмате, который умер в начале XIX ст[олетия]; при крещении местных жителей он был 18-20-летним юношей и скрылся от миссионеров в Самару; в Старом Тебердине рассказывают об “Ути”, который тоже убежал от крещения. И тот и другой вернулись в свои дома, когда ослабла деятельность миссионеров» [14, с. 1039]. В ряде деревень молькеевских кряшен имелись мусульманские кладбища, на которых, по преданиям, были похоронены отцы-основатели этих селений, их могилы были главным объектом культа. Особой популярностью как среди кряшен, так и местных татар-мусульман пользовались могила Ходжи Хасана (Хозесаново) и могила Мьялки (Малик) бабая (Молькеево) [10, д. 309, л. 98]. Кряшены вместе с приезжавшими мусульманами посещали эти могилы, во время молений и жертвоприношений прибегали к помощи мулл [14, с. 1038].

Оценивая внутреннее содержание почитания мусульманских святых у кряшен, можно отметить его тесную связь с культом предков и местами древних «языческих» поклонений. Этот культ занимал важное место в религиозной культуре и имел большое значение, в том числе потому, что позволял сохранять память об исторических корнях их предков, давал богатую пищу для гордого осознания своей сопричастности с богатой древней историей региона. Этот культ был одним из элементов традиционной культуры кряшен, позволявшей им сохранять историческую связь с татарами-мусульманами, подкреплявшуюся множеством общих исторических легенд и рассказов. Констатируя это, американский исследователь А. Кефели-Клай пишет: «Татары-мусульмане и крещеные поклонялись одним святым. Если обратиться к преданиям, которые окружали могилы самых известных из них, то это были ученые или отшельники, деяния которых говорили о высокой духовности, а сверхъестественные способности которых продолжали существовать после их кончины» [7, с. 554].

На формирование этих представлений и обрядов существенное влияние оказала исламская идеология. В то же время доступный нам историко-этнографический материал позволяет сделать вывод, что на исламскую основу накладывались народные верования. В начале XX века отмечалась явная трансформация этого культа. Многие мусульманские святыни в представлении кряшен приобретают новое содержание, постепенно превращаясь в места обитания злых духов.

Список литературы

1. **Ахметьянов Р. Г.** Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981. 200 с.
2. **Воробьев Н. И.** Село Ляки (Ляке) (кряшены) // Центр письменного и материального наследия Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦПиМН ИЯЛИ). Ф. 77.
3. **Воробьев Н. И.** Село Мелекес Челнинского района (кряшены) // ЦПиМН ИЯЛИ. Ф. 77.
4. **Износков И. А.** Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края. Казань, 1893. Вып. 1. 32 с.

5. **Износков И. А.** Список населенных мест Казанской губернии, с кратким описанием их. Лаишевский уезд. Казань, 1895. Вып. 2. 80 с.
6. **Ильминский Н. И.** Татарские надписи из времен Казанского ханства в Лаишевском уезде // Записки Археологического общества. М., 1851. Т. 3. С. 114-118.
7. **Кефели-Клай А.** Народный ислам у крещеных православных татар в XIX веке // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 539-569.
8. **Машанов М. А.** Заметка о религиозно-нравственном состоянии крещеных татар Казанской губернии Мамадышского уезда. Казань, 1875. 70 с.
9. **Месарош Д.** Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000. 360 с.
10. **Осипова Л.** Моя деревня (с. Молькеево Цивильского уезда Чувашской автономной области) (13 июня 1921 г.) // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. 1. Ф. Н. В. Никольского.
11. **Отчет бакалавра Казанской духовной академии Н. Ильминского о путешествии по татарским селениям в августе - октябре 1848 г.** // Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX в.: сборник материалов и документов / сост., авт. вступ. ст., примечаний, научно-справочного аппарата Р. Р. Исхаков. Казань, 2011. С. 71-96.
12. **Софийский И. М.** О киреметях крещеных татар, из деревни Тавель, Чистопольского уезда Казанской губернии: объяснительная записка. Отдельный оттиск из Трудов Четвертого археологического съезда в России. Казань, 1891. 18 с.
13. **Тимофеев В. Т.** Мое воспитание (рассказ старокрещеного татарина) // Казанская центральная крещено-татарская школа. Казань, 1887. С. 136-154.
14. **Филиппов Г.** Из истории христианского просвещения крещеных татар-мещеряков Тетюшского и Цивильского уездов Казанской губернии // Известия по Казанской епархии. 1915. № 37. С. 1036-1043.
15. **Халиков А. Х.** Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994. 168 с.
16. **Чичерина С. В.** У приволжских инородцев: путевые заметки. СПб., 1906. 410 с.

**MUSLIM SAINTS' CULT IN RELIGIOUS AND RITUAL TRADITION
OF THE VOLGA-URAL KRYASHEN TATARS (THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY)**

Iskhakov Radik Ravil'evich, Ph. D. in History

*Sh. Mardzhani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences in Kazan
ishakov83@rambler.ru*

The article is devoted to studying the Kryashen Tatars' (baptized Tatars') pre-Christian religious-mythological conceptions and rites associated with the Muslim (Sufi) saints' cult. By historical-ethnographical material the author discovers the specifics of Kryashen syncretic beliefs involving worshipping the ancestors and sacral places. The paper emphasizes the importance of this religious-ritual system of Kryashen traditional culture for the preservation of historical memory and the identity of the representatives of this ethno-confessional community.

Key words and phrases: Muslim saints' cult; inter-confessional relations in the Volga-Ural region; the Kryashen Tatars' pre-Christian beliefs; history of the Tatars; Sufism in Russia; people's Islam.

УДК 94

Исторические науки и археология

Советская историография с однозначных позиций рассматривала личность первого Президента Республики Корея Ли Сын Мана. Считалось, что все его правление было построено при поддержке Вашингтона. Между тем американские источники недвусмысленно указывали, что деятельность Ли Сын Мана не только не регулировалась военной администрацией США в Корее, но и зачастую шла вразрез с ее политической линией, что в конечном итоге обусловило особенности развития Республики Корея. Цель данной статьи – рассмотреть роль личности Ли Сын Мана в процессе складывания Южнокорейского государства.

Ключевые слова и фразы: Ли Сын Ман; Республика Корея; Южная Корея; США; «холодная война»; разделение Кореи.

Клюквин Михаил Андреевич

*Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
mikeklukvin@gmail.com*

РОЛЬ ЛИ СЫН МАНА В СТАНОВЛЕНИИ ЮЖНОКОРЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА[©]

После окончания Второй мировой войны Корея оказалось разделенной на две подопечные зоны. Военные администрации СССР и США согласно своим геополитическим интересам старались сформировать на Корейском полуострове дружественный режим. Вашингтон проводил линию сдерживания распространения коммунизма и искал лидеров, которые могли поддержать его политику. Этим выгодно воспользовался